

— Тот нефритовый кулон, о котором ты говорил, был так важен — как же ты мог его потерять? Неужели нарочно? — Цин Чэн сидел на подоконнике второго этажа, потягивая вино из кубка, и небрежно бросил этот вопрос. Разве он мог не расслышать того, что было сказано внизу? В душе его теснилась тревога, но какое право он имел теперь вмешиваться в чужие дела?

— Как я мог? Я сам не понимаю, что произошло. Отец-Император подозревал, что его мог украсть тот, кто спас меня, но я в это не верю. Человек, который, не страшась смерти, отправился в Маньлин, чтобы вытащить меня, разве стал бы творить подобные мерзости из-за какого-то кулона? Наверняка он передал его мне, а я по неосторожности потерял, — Е Цзымин тяжело вздохнул. — Если бы я только мог вспомнить, что именно тогда случилось.

Цин Чэн помолчал, а затем обратился к стоящему внизу Е Цзымину:

— Хочешь узнать, где кулон? Заходи, но только один.

Е Цзымин жестом показал своим спутникам, что войдет один, но Е Чэньхао не на шутку встревожился. Он попытался последовать за Е Цзымином, однако какая-то невидимая сила преградила ему путь, не пуская в комнату. Окно на втором этаже, которое мгновенно распахнулось, тут же захлопнулось, оставив Е Чэньхао снаружи в полном бессилии.

— Дядюшка, сколько же вы выпили? От вас так разит вином, вы, должно быть, совсем захмелели? — Е Цзымин слегка нахмурился, глядя на человека, стоявшего у окна спиной к нему, и брезгливо поджал губы.

— Если бы я действительно был пьян, было бы только лучше, — Цин Чэн медленно развернулся. Его лицо было ухоженным, густая борода исчезла, а одежда выглядела опрятной и чистой.

— А... ты... ты тот самый дядюшка? Нет, быть того не может, разница просто огромная! — Е Цзымин подошел ближе и принялся внимательно разглядывать мужчину, не в силах скрыть восхищения. — И правда, какой красивый человек. — В глубине души он почувствовал, что этот человек не причинит ему вреда.

Цин Чэн рывком притянул к себе вертевшегося рядом юношу, навис над ним и, чуть прищурившись, спросил:

— И правда не помнишь? Или делаешь вид, что забыл? — Не дожидаясь ответа, он прильнул губами к слегка приоткрытому от изумления рту Е Цзымина. Отстранившись лишь спустя долгое время и увидев, как зарделось лицо юноши, Цин Чэн почувствовал, что его скверное настроение, мучившее его много дней, почти улетучилось.

— А! Что... что ты делаешь?! Я вообще-то мужчина! — Е Цзымин отскочил в сторону, прикрывая рот рукой. Его вид, полный смеси испуга и возмущения, снова поднял Цин Чэну настроение.

— Я тоже мужчина, так что в следующий раз, когда решишь делать мне комплименты, не используй слово «красивый», — небрежно пояснил Цин Чэн. Он неспешно опустился на стул, едва заметно улыбнувшись. — Это было лишь маленькое наказание.

— Ты... ты извращенец! Такое наказание... тебе самому не противно? — Е Цзымин отчаянно хотел поскорее убраться из этой комнаты и подальше от этого странного человека.

— Извращенец? Хм? Разве? А ведь той ночью ты сам просил меня о вещах куда более дерзких. К тому же... — Цин Чэн намеренно облизнул губы, — ...ты был очень сладким. — Он продолжал дразнить этого наивного, словно ребенок, юношу.

— Ты опять несешь чепуху! Как я могу не помнить того, чего не было? И вообще, ты видел кулон моей матушки? Если нет, я ухожу, — Е Цзымин попытался изобразить гнев, но выглядел совсем не угрожающе — в глазах Цин Чэна он был похож на рассерженного пушистого зверька.

— Ты говоришь о кулоне на красном шнурке, вот такого размера? — Цин Чэн сделал несколько жестов руками и, заметив, как Е Цзымин нетерпеливо закивал, продолжил: — Хм, видел. Подобрал его на улице несколько дней назад, но совсем забыл, куда положил.

— Постарайся вспомнить хорошенько, умоляю! Для меня это очень важная вещь, — Е Цзымин обеспокоенно схватился за край одежды Цин Чэна, глядя на него с мольбой.

— Что ж, я постараюсь получше подумать. Разве ты не нездоров? Ступай домой, наберись сил, а когда поправишься — приходи, глядишь, я и вспомню. Не бойся, это мой дом, я никуда не денусь, — Цин Чэн встал и с хитрой улыбкой по-отечески потрепал Е Цзымина по голове.

— Ты обещал! Обязательно дождись меня, я точно вернусь! — Е Цзымин уже собрался уходить, но вдруг остановился. — Кстати, я ведь до сих пор не знаю, как тебя зовут.

— Цин Чэн. Цин — как чистая вода, Чэн — как городская стена.

— Цин Чэн... О, понятно. Цин Чэн — Цинчэн? Ослепительная красота! Вау, тебе это имя очень подходит, действительно — лицо, способное погубить города! Ха-ха-ха... Тогда я буду звать тебя Сяо Чэн. Сяо Чэн, я ухожу, но ты обязательно дождись меня! — Е Цзымин рассмеялся и стремглав выбежал из комнаты.

Цин Чэн не стал отвечать этому глупцу — эти слова он уже слышал однажды, так что не испытал особых эмоций. Он развернулся, легко взмахнул рукавом, и окно с шумом распахнулось. Цин Чэн снова уселся на подоконник, провожая взглядом удаляющегося Е Цзымина, и уголки его губ дрогнули в еще более явной улыбке. Вот только когда его взгляд упал на маячившую неподалеку неприятную фигуру, он недовольно нахмурился.

С того дня Цин Чэн не покидал комнаты, а кулон всегда носил с собой.

<http://bllate.org/book/21940/2279395>